

ОПЫТ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ РАБОТЫ С ЕВРЕЙСКОЙ КНИГОЙ ИЗ СОБРАНИЯ РНБ

Кнорринг В.В.,
кандидат исторических наук,
заведующая научной библиотекой
СпбКНПЦСВМП(о),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье обобщен многолетний опыт работы Российской национальной библиотеки в области тематических выставок книг как одного из способов актуализации памятников книжной культуры. Подробно охарактеризованы книжные экспозиции по материалам фонда книг на идише Восточного отдела РНБ. Проанализирована специфика данных экспозиций. Показаны особенности белорусских довоенных изданий на идише и обращено особое внимание на необходимость поиска информации о художниках-анонимах, оформлявших такие издания.

Ключевые слова: Книжные экспозиции, еврейские книги, оформление белорусских довоенных изданий

В современных библиотеках принято проводить книжные выставки — демонстрировать новые поступления или раскрывать ту или иную тему. Тематические выставки являются одной из самых действенных форм актуализации книжных памятников. Здесь библиотечное дело теснее всего смыкается с музейным, сохраняя при этом свою специфику: такие выставки не только прекрасно пропагандируют книгу, но и позволяют повысить читаемость. Ведь многие экспонаты на подобных выставках по окончании их работы предоставляют всем желающим для детального ознакомления.

В Российской национальной библиотеке (в прошлом — Императорская публичная) накоплен огромный опыт проведения книжных экспозиций и экскурсионной работы по ним. В XIX в. формат подобных мероприятий приближался к лекционному, в XX—XXI столетиях их направленность стала варьироваться в зависимости от читательского адреса. Однако общей тенденцией всех выставок является стремление ознакомить посетителей с малоизвестными изданиями, что, безусловно, способствует их актуализации.

В Восточном отделе РНБ (официально именуемом «Отдел литературы стран Азии и Африки») имеется обширная еврейская коллекция, которая, в свою очередь, подразделяется на фонды иврита и идиша. Наполнение книжных экспозиций по материалам этой коллекции кардинальным образом изменилось после Перестройки. Прежде всего, тогда был снят негласный запрет на еврейскую тематику, сохранявшийся в СССР десятилетиями. Затем из Отдела специального хранения вернулись тысячи книг. Не секрет, что в Спецхран чаще всего попадала литература, неудобная с идеологической точки зрения, или произведения репрессированных авторов. В фонде идиша, о котором главным образом и пойдет речь, такие книги составляли едва ли не половину. Читателям они были совершенно не известны. Впрочем, в начале XXI в. весь фонд идиша можно было отнести к малоизвестным. Ведь при советской власти разрешали экспонировать лишь считанные издания на еврейских языках. Подъем еврейских исследований в России, ставший возможным после Перестройки, диктовал необходимость активизации выставочной работы с книжными собраниями данной тематики.

Подготовка выставок находилась в тесной связи с библиографированием фонда и работой по созданию электронной базы данных на его основе. Сплошной просмотр книг в процессе каталогизации позволил выделить перспективные для экспонирования группы изданий и наметить концепции будущих выставок. Одновременно с книжными экспозициями подготавливались выставки on-line, что всякий раз приводило к резкому расширению аудитории пользователей. Всего на сайте РНБ в разделе «Книжные экспозиции» опубликовано 30 виртуальных выставок по материалам фонда идиша. Рассмотрим их некоторые особенности.

Обращает на себя внимание обилие персональных экспозиций, т. е., книг, имеющих отношение к одному автору. В РНБ сложилась особая школа библиографирования, направленная на подчёркивание личностного начала в создании того или иного книжного памятника. При каталогизации фонда идиша также соблюдался этот принцип, что и определило указанную специфику книжных выставок. Среди них — как масштабные экспозиции, посвящённые классикам еврейской литературы (Менделе Мойхер-Сфориму, И. Л. Перецу и Шолом-Алейхему) или плодовитым детским писателям (Лейбу Квитко, Ицику Кипнису), так и небольшие подборки, целью которых было привлечь внимание читателей к значимым явлениям еврейской культуры. Таковы выставки, посвящённые крупному беллетристу Айзику-Мееру Дику, известнейшему поэту-песеннику Эльокуму Цунзеру, автору пособий по изучению идиша Семену Сандлеру и др. Нередко экспонировались переводы на идиш художественной литературы (например, произведений М. Ю. Лермонтова, С. Я. Маршака) или научно-популярной (Н.А. Рубакина). В первом случае акцент был сделан на роль переводчиков и художников, оформлявших издания, во втором — на исторический контекст выпуска научно-популярных книг.

Персональный принцип ярче всего проявил себя в экспозиции, целиком состоявшей из литературы в жанре «Personalia», название которой представляло собой реминисценцию из Исхода, второй книги Библии: «И вот имена...» (рис. 1). Здесь были представлены книги не только на идише, но и на иврите. Вообще, стремление к полиязычию также являлось важнейшей специфической чертой экспозиций фонда идиша. Книги на разных языках вошли в мемориальную выставку, открывшуюся сразу после смерти ленинградской писательницы

М. Г. Рольникайте; детские книжки на языках народов СССР, включая идиш, были представлены на выездной выставке «Из сокровищницы отечественной детской литературы», состоявшейся в другом подразделении РНБ — в Доме Плеханова.

Рис. 1. Общий вид книжной выставки «И вот имена...»

Наконец, ещё одной особенностью книжных экспозиций фонда идиша явилось то, что многие из них были объединены в крупные циклы: «Памятные даты», «Еврейские книжные серии» и «Разнообразие детской литературы». Это максимально приблизило экспозиционную работу к научно-исследовательской, что позволило шире охватить тему, подметить важные закономерности и в конечном итоге ввести в научный оборот ценные издания, которые до этого не были востребованы. Строго говоря, таким внецикловым экспозициям, как жанровые выставки письмовников на идише или всевозможных букварей, тоже были свойственны черты книговедческого исследования. Но циклы выставок не только способствовали собственно актуализации книжных памятников, но и помогли поставить ряд проблем, связанных с их изучением. Прежде всего, это поиск информации, связанной с каждым из тех, кто причастен к появлению того или иного книжного памятника. Вся сложность такого поиска прекрасно видна на примере детских книг на идише, изданных в БССР.

В ходе исследования еврейской детской литературы такие издания были выделены в особую группу, которой автор настоящего сообщения, В. Кнорринг, посвятила доклад на форуме «Санкт-Петербург и белорусская культура», состоявшемся в РНБ в 2014 г. В этом докладе отмечалось: «Белорусским изданиям свойственна и ещё одна особенность. Далеко не всегда на книге помещалась полная информация об авторском коллективе. Нередки случаи умалчивания имен переводчиков, но чаще всего опускались сведения о художниках» (цитируется по неопубликованной рукописи). Вот несколько конкретных примеров.

Удалось выяснить, что рассказы И. Кипниса под названием «Оа» оформил однофамилец автора Цфания Кипнис, «Белорусскую сказочку» А. Александровича — Анатолий Волков (рис. 2), стихотворение А. Барто «Братишки» — Абрам Заборов, ученик матери А. Волкова Марфы Волковой, поэтичную сказку «Букашечка» — Анатолий Тычина (рис. 3), а сборник для малышей «Мурзя» — Исаак Мильчин. Особенно интересны последние два из перечисленных изданий: А. Тычина известен как мастер пейзажа, сохранивший для потомков виды былого Минска. Здесь же он выступает как сказочник, однако краски мастера столь же нежны, как и в его минских офортах. Мильчин же, помимо великолепной работы со шрифтами, сумел показать типичные для довоенной Беларуси фигуры в книжке, адресованной самым маленьким читателям. Восприятие книжных иллюстраций всегда предполагает эмоциональную составляющую, которая меняется в зависимости от переживаемого времени. До войны дети наверняка смеялись, разглядывая фигуру дворника, изображенного Мильчиным (рис. 4). Сегодня эта же фигура воспринимается едва ли не как реквием — после войны таких

дворников в живых уже не осталось. Да что дворники, сам художник также погиб в минском гетто вместе с дочерью...

Рис. 2 А. Александрович. Белорусская сказочка. Художник А. Волков. Иллюстрация из книги

Рис. 3 Букашечка. Художник А. Тычина. Иллюстрация из книги

Рис. 4 Мурзя. Художник И. Мильчин. Иллюстрация из книги

В ряде случаев подпись художника трудно однозначно расшифровать: так, книжку Е. Н. Дыло «Храбрый Юрка» (рис. 5) оформил художник, чье имя приведено в издании только на идише и допускает ряд вариантов русской транслитерации. В сборнике Н. Горелика «Юный певец» одна из картинок подписана по-русски, но подпись неразборчива.

Рис. 5 Е.Н. Дыло. Храбрый Юрка. Иллюстрация из книги. Художник неизвестен

Изданий, где имя художника не указано вообще, можно привести достаточно много. Так, сборник рассказов И. Кипниса «Татеши, татеши» (рис. 6) проиллюстрирован в яркой самобытной манере мастером, о котором нет ни слова в издании. Очевидно, этот художник знал основные вехи жизненного и творческого пути автора текста, т. к. одна из иллюстраций напрямую отсылает читателей к первому сборнику И. Кипниса под названием «Быки» (рис. 7). Прослеживается и связь рисунков неизвестного мастера с легендарной киевской Культур-Лигой — объединением еврейской интеллигенции, прославившемся своими художественными экспериментами.

Рис. 6. И. Кипнис. Татеши, татеши. Обложка книги. Художник неизвестен

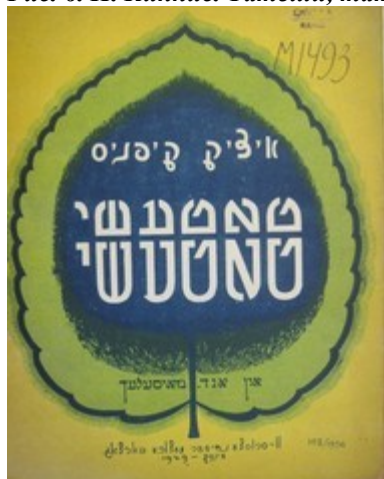
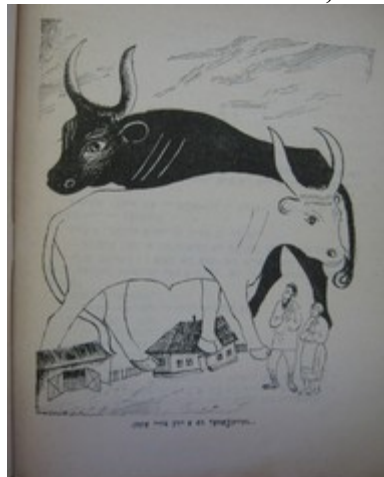

Рис. 7. И. Кипнис. Татеши, татеши. Иллюстрация из книги. Художник неизвестен

Хотелось бы привлечь внимание исследователей ещё к трём изданиям, оформители которых остались для нас неизвестными — сборнику стихотворений А. Барто «Мальчик наоборот» (рис. 8), сказке в стихах Якуба Коласа «Рак-усач» (рис. 9), и ныне сохраняющей свою актуальность, и поэтической сатире Р. Баумволь

«Берчик-неряха» (рис. 10). В рисунках к каждой из этих книг очевиден недюжинный талант иллюстраторов, имен которых мы пока не знаем. Быть может, современные искусствоведы сумеют идентифицировать кого-нибудь из них по почерку? Это помогло бы восстановить ещё одну страницу культуры довоенной Беларуси.

Рис. 8. А. Барто. Мальчик наоборот. Обложка книги. Художник неизвестен

Рис. 9. Я. Колас. Рак-усач. Обложка книги. Художник неизвестен

Рис. 10. Р. Баумволь. Берчик-неряха. Иллюстрация из книги. Художник неизвестен

Вернемся к книжным выставкам. Экспозиции книг на идише, как правило, сопровождались активной массовой работой, прежде всего, экскурсиями. Также на их базе нередко проводились семинары, практические занятия студентов и другие подобные мероприятия, что в немалой степени способствовало популяризации изданий. Отзывы о выставках еврейской книги, опубликованные в различных средствах массовой информации, являются лучшим подтверждением этого. В экспозициях в основном были задействованы каналы визуальной коммуникации, т. к. идиш в силу обстоятельств сегодня уже перестал быть языком живого общения и превратился в предмет академического интереса специалистов. А вот иллюстрации в еврейской книге по-

прежнему доступны всем. И даже теперь, когда активная выставочная работа с фондом идиша, к сожалению, прекращена, виртуальные выставки остаются инструментом актуализации памятников книжной культуры.